

На правах рукописи

Бронникова Елена Вячеславовна

**«ВЕЧЕР У КЛЭР» Г. ГАЗДАНОВА И «ЧЕВЕНГУР» А. ПЛАТОНОВА:
ОПЫТ СТИЛЕВОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2011

Работа выполнена на кафедре литературы
ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Белоусова Елена Германовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Созина Елена Константиновна

кандидат филологических наук, доцент
Воробьева Светлана Юрьевна

Ведущая организация: Институт филологии СО РАН

Защита состоится «3» марта 2011 г. в 11 часов на заседании диссертационного совета Д 212.286.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького» (620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького».

Автореферат разослан «___» _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

М. А. Литовская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Грандиозные сдвиги, произошедшие на рубеже XX и XXI веков практически во всех областях жизни (социальной, политической, экономической, духовной и др.), выбили почву из-под ног современного человека, заставили необычайно остро почувствовать одиночество и незащищенность перед лицом глобальных катастроф. Стремительное развитие новых информационных технологий привело к образованию целого ряда виртуальных социальных сетей, которые заменили людям живое общение, оставив человека один на один с ирреальным миром интернет-проекций его родных и знакомых.

В таких условиях особую значимость приобретает проблема связи, контакта, взаимодействия как между отдельными людьми, так и целыми государствами. Именно она определяет сегодня жизненную стратегию человеческого сообщества, а вместе с тем формирует новое русло в развитии отечественного литературоведения, которое всё более решительно отказывается от «медальонного» принципа в изучении литературы.

В этом плане сопоставительное исследование индивидуальных стилевых форм столь самобытных и, казалось бы, совершенно далеких друг от друга художников, как Г. Газданов и А. Платонов, оказывается **весьма актуальным**. Тем более, что при всем обилии публикаций и фундаментальных трудов, активно исследующих поэтику каждого из названных авторов¹, и даже работ, сопоставляющих их произведения с

¹ В числе монографий, рассматривающих в этом ключе творчество А. Платонова, особо отметим: Свительский В. А. Андрей Платонов вчера и сегодня: статьи о писателе. – Воронеж, 1998; Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. – М., 2000; Баршт К. А. Поэтика прозы Андрея Платонова. – СПб., 2000; Меерсон О. «Свободная вещь»: поэтика неостранения у Андрея Платонова. – Новосибирск, 2001; Вьюгин В. Ю. Андрей Платонов: поэтика загадки (Очерк становления и эволюции стиля). – СПб., 2004; Малыгина Н. М. Андрей Платонов: поэтика «возвращения». – М., 2005 и др. По творчеству Г. Газданова в первую очередь назовем здесь: Диенеш Л. Гайто Газданов: жизнь и творчество. – Владикавказ, 1995; Кабалоти С. Поэтика прозы Гайто Газданова 20–30-х годов. – СПб., 1998; Матвеева Ю. В. «Превращение в любимое»: художественное мышление Гайто Газданова. – Екатеринбург, 2001; Бабичева Ю. В. Гайто Газданов и творческие искания серебряного века. – Вологда, 2002; Проскурина Е. Н. Единство иносказания: о нарративной поэтике романов Гайто Газданова. – М., 2009.

произведениями других писателей², на сегодняшний день крайне мало исследований, изучающих творческое схождение – расхождение самих Платонова и Газданова³. Вместе с тем целый ряд факторов (и прежде всего их принадлежность к одному литературному поколению; ощущение трагической «неукорененности» в мире, вызванное атмосферой внешней эмиграции у Газданова и внутренней изоляции у Платонова; присущий обоим чувственный способ восприятия действительности) дает основание для сопоставления именно этих художников.

Основная цель исследования – выявить характер взаимодействия индивидуальных авторских стилей в романах Г. Газданова «Вечер у Клэр» и А. Платонова «Чевенгур».

В соответствии с поставленной целью в диссертации решается ряд конкретных задач:

- 1) охарактеризовать основные формы и способы взаимодействия авторских стилей в литературном процессе;
- 2) выявить предпосылки стилового сближения романов «Вечер у Клэр» и «Чевенгур»;
- 3) обозначить стилевые доминанты творчества Г. Газданова и А. Платонова;
- 4) показать особенности стилового воплощения проблемы памяти в романах «Чевенгур» и «Вечер у Клэр», проанализировать

² Жердева В. М. Экзистенциальные мотивы в творчестве писателей «незамеченного поколения» русской эмиграции (Б. Поплавский, Г. Газданов): дис. ...канд. филол. наук. – М., 1999; Яблоков Е. А. «Царство мнимости» в произведениях А. Платонова и В. Набокова начала 30-х годов // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. – М., 1999. Вып. 3. С. 332–342; Он же. Железный путь к площади Согласия («железнодорожные» мотивы в романе «Вечер у Клэр» и в произведениях Булгакова) // Газданов и мировая культура. – Калининград, 2000. С. 148–174; Дмитровская М. А. «Стрела, попавшая в цель» (телеология Набокова и Газданова) // Там же. С. 103–116; Толстая Е. Д. «Стихийные силы»: Платонов и Пильняк // Она же. Мирпослеконца: работы о русской литературе XX века. – М., 2002. С. 272–288; Эйдинова В. А. Платонов и Л. Добычин: стилевые схождения и отталкивания // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. Юбилейный. – М., 2003. С. 211–219 и др.

³ Мы можем назвать только две работы подобного рода: Мамон А. Г. «...Понял тайну волос...» (семантика волос у Платонова и Газданова) // Газданов и мировая культура. С. 188–193; Проскурина Е. Н. Г. Газданов и А. Платонов – в поисках истинного бытия (к постановке проблемы) // Она же. Поэтика мистериальности в прозе Андрея Платонова конца 20-х – 30-х годов (на материале повести «Котлован») – Новосибирск, 2001. С. 190–234.

стилевые схождения и расхождения художников в решении данной проблемы.

Материалом исследования послужили:

1) романы Г. Газданова «Вечер у Клэр» и А. Платонова «Чевенгур», принадлежащие к числу знаковых произведений литературы рубежа 1920–1930-х годов, взятой в единстве двух основных линий её развития – литературы метрополии и литературы русского зарубежья;

2) широкий корпус публицистических и эпистолярных текстов Г. Газданова и А. Платонова;

3) произведения других авторов, также обнаруживающих свою принадлежность к разным срезам литературы указанного периода и обращенных к проблеме памяти: «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Машенька» В. Набокова, «Кашеева цепь» М. Пришвина, «Отец» В. Катаева, «Волга впадает в Каспийское море» Б. Пильняка.

Научная новизна реферируемой работы состоит в том, что в ней впервые в современном литературоведении романы Г. Газданова «Вечер у Клэр» и А. Платонова «Чевенгур» рассматриваются в аспекте схождения – расхождения индивидуальных стилей их создателей. Они сходятся в стремлении проникнуть в сокровенные глубины индивидуального сознания, раскрыть специфическую природу и роль памяти в жизни человека. Но для решения этой эстетической задачи каждый из художников создает свою, органичную его типу личности, стилевую форму: А. Платонов – «напряженно-сопрягающую», Г. Газданов – «собирающе-углубляющую».

Типологическое схождение стилевых форм платоновского и газдановского романов представлено в контексте современных им литературных произведений. Это позволяет по-новому взглянуть не только на природу художественного формостроения Платонова и Газданова, но и на литературный процесс рубежа 1920–1930-х годов в целом.

Методологическую основу диссертации составляют труды В. Жирмунского, Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, М. Бахтина, Д. Лихачева, а также исследования А. Соколова, Н. Гея, М. Гиршмана и В. Эйдиновой, разрабатывающие концепцию стиля как основного художественного закона творчества писателя. Претворяясь в авторской поэтике, этот закон «образует в ней ряд частных закономерностей и целостно воплощает органичное для художника и отзывающееся в каждом из нас эстетическое содержание»⁴. Кроме того, принципиально значимым для нашего исследования явилось положение о неразрывной связи стиля и личности автора, получившее обоснование в трудах ведущих теоретиков различных научных школ и направлений – А. Лосева, М. Гиршмана, Р. Барта.

В основе **метода** данного исследования лежит комплексный подход к творчеству писателей, сочетающий в себе элементы историко-литературного, сравнительно-типологического и структурного анализа.

Теоретическая значимость диссертации заключается в выявлении типологического схождения оригинальных стилей романов Г. Газданова «Вечер у Клэр» и А. Платонова «Чевенгур», что существенно углубляет представление о стилевом развитии отечественной литературы на рубеже 1920–1930-х годов.

Практическая значимость исследования видится в возможности использования его материалов и выводов в общих курсах по истории русской литературы XX века, а также при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных проблемам поэтики и стиля, творчества Г. Газданова и А. Платонова.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Выражая повышенное «экзистенциальное беспокойство», вызванное последовательным «расчеловечиванием» мира, отечественная литература рубежа 1920–1930-х годов сосредоточивает своё внимание на жизни отдельной личности.

⁴ Эйдинова, В. В. Стиль художника. – М., 1991. С. 12.

2. Самобытные художники метрополии и эмиграции (в частности, А. Платонов и Г. Газданов) сходятся в напряженном поиске стилевых форм, способных максимально полно и зримо раскрыть уникальность человеческой индивидуальности – изображаемой и изображающей.

3. Проблема памяти, являясь прямым свидетельством подчеркнуто антропологического духа русской литературы конца 1920-х и начала 1930-х годов, обретает в романах «Чевенгур» и «Вечер у Клэр» специфическое стилевое воплощение, реализуясь в различных компонентах платоновской и газдановской поэтики.

4. Стилевое решение проблемы памяти в романе А. Платонова разворачивается в соответствии с «драматически-сопрягающей» логикой авторского стиля, который в означенный период оборачивается стилем катастрофических «разрывов» и «разломов»; в произведении Г. Газданова – в соответствии с динамической природой его «углубляющего» стиля.

5. Творимая художниками стилевая форма («напряженно-сопрягающая» в «Чевенгуре», и «собирающе-углубляющая» в «Вечере у Клэр») выражает общее стремление авторов к «собиранию» мира посредством памяти. Однако ни Платонову, ни Газданову желанной целостности воссоздаваемого бытия достичь так и не удастся, что свидетельствует о трагическом мироощущении обоих писателей на рубеже 1920–1930-х годов.

Апробация работы. Содержание диссертации отражено в 11 публикациях, в том числе в трех статьях в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ. Основные положения и результаты исследования были представлены в докладах на четырех международных научных конференциях: в Челябинске («Лазаревские чтения», 2008 и «Литература в контексте современности», 2009), Воронеже («Платоновские чтения», 2009), Перми («Иностранные языки и литературы в контексте культуры», 2010), а также на региональных конференциях Челябинского госуниверситета. Материалы диссертации

были использованы для подготовки лекционных и практических занятий по курсу «Введение в литературоведение».

Структура работы подчинена её научной цели и задачам. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, который включает 214 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, указываются объект и предмет научного поиска, формулируются цели и задачи исследования, обозначаются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

Кроме того, во введении дается историография изучаемой проблемы и определяется методологическая база исследования – уточняется основное теоретическое понятие «стиль», раскрываются важнейшие аспекты стилевой проблематики, в частности, «стиль и личность писателя».

В **главе первой («Контрапункт авторских стилей в русской литературе рубежа 1920–1930-х годов»)** рассматриваются основные формы взаимодействия авторских стилей в литературе.

Литературное развитие – это живой творческий процесс, в который оказываются включены различные художественные системы, литературные школы и направления. А в XX веке, как убедительно показывают в своих работах М. Бахтин и Д. Лихачев, основными его «участниками» становятся индивидуальные авторские стили, несущие на себе «след» самобытной личности художника. Именно эти художники и их уникальные стилевые «голоса», активно взаимодействуя, сближаясь и отталкиваясь, создают сложное *контрапунктное единство* литературы XX века, что позволяет Д. Лихачеву назвать её природу *полифонической*⁵.

⁵ Лихачев Д. С. Литература как общение и полифония // Он же. Очерки по философии художественного творчества. – СПб., 1999. С. 135–146.

Утвердившееся в современной науке понимание литературы как динамической многоголосой системы диктует необходимость изучения стилевых контактов и связей между отдельными писателями, а также выявления тех форм, в которых происходит их взаимодействие.

Проанализировав и обобщив опыт предшествующих исследований, эти формы мы разделили на прямые и косвенные. Прямые возникают вследствие непосредственного контакта между различными художниками. В работе он определяется как личное знакомство писателей или знакомство одного с творчеством другого. Таковыми предстают, например, хорошо изученные сегодня связи М. Булгакова и Н. Гоголя⁶, И. Шмелева и А. Чехова⁷, В. Катаева и А. Соболя⁸.

Стилевые взаимодействия подобного рода могут иметь как односторонний, так и двусторонний характер. Разновидностями связей первого типа являются *стилевое влияние* (следование одного художника принципам и приемам формотворения другого) и *стилевая полемика* (критическое осмысление, а зачастую и пародирование писателем чужого творческого «почерка»). И все они способны осуществляться как в синхроническом, так и в диахроническом планах.

Двусторонний вид стилевой связи обозначается в работе как *стилевой диалог*. При этом, опираясь на философские концепции М. Бахтина и В. Библиера, под диалогом мы понимаем не только живое персональное общение авторов, но и взаимодействие создаваемых ими художественных форм. Наглядным примером такого двухуровневого контакта представляются уже осмысленные учеными

⁶ Янушкевич А. С. Традиции жанрового стиля Н. В. Гоголя в русской прозе 1920–1930-х годов // XX век. Литература. Стил. Вып. 4. – Екатеринбург, 1999. С. 34–48.

⁷ Платонова О. А. И. С. Шмелев и А. П. Чехов: творческий диалог: дис ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008.

⁸ Литовская М. Валентин Катаев и Андрей Соболев: к проблеме стилевой полемики // XX век. Литература. Стил. Вып. 2. – Екатеринбург, 1996. С. 125–133.

творческие связи Ф. Достоевского и Н. Некрасова⁹, А. Белого и С. Есенина¹⁰, И. Бродского и В. Высоцкого¹¹.

В отличие от прямых, косвенные формы взаимодействия авторских стилей не предполагают обязательных личных контактов между художниками и их взаимного влияния. Более того, писатели, вступающие в подобного рода «отношения», могут даже не подозревать о существовании друг друга, но вместе с тем создавать удивительно родственные в своих специфических реакциях на мир стилевые формы. В данном случае уместно говорить о *типологическом схождении*, то есть одновременном притяжении, приближении и отталкивании авторских стилей. Именно к этому типу связи принадлежит взаимодействие стилевых форм «Вечера у Клэр» Г. Газданова и «Чевенгура» А. Платонова.

Далее в первой главе диссертации выявляются историко-литературные и биографические предпосылки стилевого схождения названных романов.

Под историко-литературными предпосылками понимается специфическое состояние литературы рубежа 1920–1930-х годов, вынужденной существовать в условиях нарастающей опасности для жизни отдельного человека. Как следствие, литература тех лет (и в метрополии, и в эмиграции) обретает «новое художническое зрение», которое целиком сосредоточивается на человеческой индивидуальности, в том числе и на индивидуальности авторской. А это значит, что само время не только заставляет максимально «оформиться» и даже «кристаллизироваться» (Е. Белоусова) индивидуальные писательские стили, но и способствует их явственному сближению в устремленности к предельно полному раскрытию уникального авторского видения мира и его

⁹ Кладова Н. А. Ф. М. Достоевский и Н. А. Некрасов: творческий диалог: дис. ... канд. филол. наук. – Кострома, 2009.

¹⁰ Серегина С. А. Андрей Белый и Сергей Есенин: творческий диалог: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009.

¹¹ Перепелкин М. А. Бездны на краю: И. Бродский и В. Высоцкий: диалог художественных систем. – Самара, 2005.

неповторимого формотворения. Одним из знаков стилевого созвучия произведений самых разных писателей метрополии и эмиграции на рубеже 1920–1930-х годов становится их обращение к проблеме памяти, которая передает повышенное внимание литературы тех лет к внутреннему миру человека.

В качестве биографических предпосылок стилевого схождения романов «Вечер у Клэр» и «Чевенгур» в диссертации рассматривается определенное созвучие ключевых моментов в столь несхожей по своим общим очертаниям жизни их создателей.

Во-первых, Газданов и Платонов были ровесниками, рожденными в России на рубеже XIX и XX веков.

Во-вторых, оба писателя имели опыт участия в Гражданской войне. Причем ни для Платонова, ни для Газданова он не прошел бесследно, оказав сильнейшее влияние на формирование их человеческого и творческого сознания. Столь раннее столкновение лицом к лицу со смертью, болью, жестокостью, осознание невероятной хрупкости человеческой жизни во многом предопределило экзистенциальную направленность их будущих произведений, выдвигающих на первый план проблему абсурдности человеческого существования, внутреннего отчуждения и бесконечного поиска личностью своего подлинного «Я».

В-третьих, на рубеже 1920–1930-х годов, когда создавались романы «Вечер у Клэр» и «Чевенгур», оба художника были фактически изолированы от читателя (Газданов находился в эмиграции, Платонов – в опале) и переживали ощущение острейшего «экзистенциального беспокойства» (В. Варшавский).

В главе второй («Собирающе-углубляющая» концепция памяти Г. Газданова и её стилевое воплощение в романе «Вечер у Клэр») посредством анализа стилевой структуры дебютного газдановского романа раскрывается авторское понимание природы и роли памяти в жизни человека.

Благодаря предпринятому анализу эссеистической, публицистической и эпистолярной прозы Г. Газданова, в работе выявляются индивидуально-личностные основания стиля писателя, что, в свою очередь, позволяет существенно уточнить формулу его творческого «почерка». Обусловленный особым «многослойным» типом личности художника, находящегося в непрерывном внутреннем движении, стиль Газданова определяется в работе не только как «динамический» (вслед за Л. Диенешем, С. Кабалоти, Ст. Никоненко, Ю. Матвеевой, А. Шишкиной и др.), но вместе с тем и как «углубляющий» в этом своем динамическом развертывании.

Уникальная природа газдановского стиля, направленного к углублению изображаемой реальности, отмеченной знаком крайней нестабильности и неопределенности, к обнаружению в ней самых сущностных оснований человеческого бытия, максимально ярко проявляется в художественном решении проблемы памяти. Авторская концепция памяти последовательно открывается в лексическом и синтаксическом строе «Вечера у Клэр», в его пространственно-временной и композиционной организации, а также в образной системе произведения.

Анализируя словесную ткань «Вечера у Клэр», мы обнаружили, что лексемы «воспоминание» и «память» обладают у Газданова различными семантическими полями. Отличительными свойствами воспоминаний являются стихийность, неупорядоченность, эмоциональная насыщенность и процессуальность. Не случайно их метафорой в романе становится образ *неудержимого дождя*¹², а постоянным эпитетом – прилагательное «бесконечный». Совершенно иную природу имеет память, которая предстает у Газданова воплощением статики и уподобляется *неподвижной «стеклянной паутине»*, покрывающей живые воспоминания героя.

¹² Заметим, что у Платонова метафорическим выражением его представлений о природе и механизме памяти также является образ водной стихии. Только это не дождь, а *озеро*, в котором медленно плавают совершенно не соединимые друг с другом обломки прошлого.

Столь существенное расхождение ключевых понятий в тексте Газданова объясняется тем, что воспоминания и память, являясь двумя сторонами единого *процесса* воссоздания бытия, выполняют в «Вечере у Клэр» различные роли, отражая соответственно динамическое и углубляющее начала стиля художника. Целью воспоминаний оказывается воскрешение стремительного и неупорядоченного потока человеческой жизни во всей её сложности, противоречивости и чувственной полноте. Память же, подобно «лучу прожектора», высвечивает и фиксирует в этом стихийном потоке самые ценные мгновения и самые значимые ипостаси человеческой личности, чтобы собрать их в целостный и эстетически оформленный образ мира. Однако процесс творческого воссоздания бытия в романе Газданова так и не обретает своего завершения. Ведь, по мнению автора, даже самый проникательный художник не способен постичь тайну мироздания, он может лишь приблизиться к ней. Но чем ближе он подходит к разгадке, тем сложнее и непостижимей она оказывается.

Важную роль в раскрытии уникального стилового решения Г. Газдановым проблемы памяти играет и синтаксический строй «Вечера у Клэр». Анализ структуры предложений, фиксирующих воспоминания героя, позволяет выявить две основные тенденции их конструирования. Первая проявляет динамическое начало газдановского стиля и обнаруживает себя в активном использовании автором сверхдлинных предложений, которые образуются посредством нанизывания многочисленных однородных конструкций. Вторая акцентирует «углубляющее» начало стиля художника и выражается в создании им «многослойных» предложений, где при помощи тире одна фраза «вкладывается» в другую наподобие «грамматической матрешки», открывая принципиальную сложность авторского видения мира.

Не менее значимым для осмысления стилового воплощения Г. Газдановым проблемы памяти является хронотоп романа. Он

разворачивается как взаимодействие двух неравноценных по объему и протяженности пространственно-временных планов: вечера, проведенного Соседовым в парижской квартире Клэр (план настоящего), и всей предшествующей жизни героя с его бесконечными скитаниями и переездами (план прошлого, представленный в воспоминаниях Николая). Причем, в отличие от «Машеньки» В. Набокова, настоящее и прошлое в романе Г. Газданова не чередуются по принципу «слоеного пирога». Ведь пережитый героем момент абсолютного счастья в настоящем (его дают встреча и близость Николая с Клэр) вызывает у него целый поток воспоминаний о прошлом, который и составляет основную часть произведения. При этом мир настоящего в изображении Газданова предстает как неумолимо сжимающееся замкнутое пространство, которое становится метафорическим воплощением сужающегося сознания героя, одолеваемого забвением. А мир прошлого описывается автором как принципиально открытое расширяющееся пространство, включающее в себя всё новые и новые топосы, что соответствует постепенному раздвижению горизонтов человеческого сознания.

Подобная организация хронотопа проявляет принципиальную для Газданова мысль о том, что забвение равносильно смерти, а воспоминания оказываются действенным способом воскрешения жизни.

Характерной особенностью композиционного строения «Вечера у Клэр» является то, что каждое последующее воспоминание газдановского героя плавно вытекает из предыдущего и соотносится с ним по принципу *сходства*, *смежности*, либо *контраста*. Все эти способы ассоциативной связи помогают художнику создать в тексте целостный и вместе с тем невероятно сложный, многоплановый образ бытия, ведь каждый из названных способов соединяет его элементы по-своему. Более того, устремленный к особой многомерности воскрешаемого мира, Газданов ассоциативно связывает не только

отдельные образы прошлого, но и целые ряды воспоминаний, используя сразу несколько способов их сопряжения (например, по сходству и смежности).

Кроме того, важную роль в организации художественного целого романа играют лейтмотивы. Наиболее значимые среди них – мотивы *зачарованности, непостижимости, смерти, путешествия, опоздания на поезд, звенящего колокола, метели и утраты*. Каждый из этих мотивов в определенный момент повествования выступает на первый план, приглушая звучание остальных, а затем уступает место другому, что придает воспоминаниям Николая Соседова *волнообразно-текущий* характер, то есть создает их уникальный внутренний ритм.

По-своему «углубляющую» природу газдановского стиля, направленного на раскрытие авторской концепции памяти, обнаруживает в «Вечере у Клэр» и система персонажей, организованная по центростремительному принципу. Все герои представлены в тексте романа сквозь призму памяти главного субъекта повествования Николая Соседова. И степень приближенности того или иного персонажа к нему в первую очередь определяется активностью памяти этого персонажа. Так, если среди духовно близких Соседову людей практически все владеют «искусством воспоминания», открывающим глубину и богатство их внутренней жизни, то среди персонажей, более отдаленных от героя, памятью одарены лишь единицы.

В заключение настоящей главы кратко резюмируются основные положения, раскрывающие оригинальную концепцию памяти Г. Газданова, получившую специфическое художественное воплощение в самых различных компонентах поэтики романа. Все они несут на себе отпечаток «динамического» стиля художника, ориентированного на бесконечное и безостановочное движение *в глубь* человеческого сознания и существования.

В главе третьей («Напряженно-сопрягающая» природа памяти в романе А. Платонова «Чевенгур») исследуется стилевое воплощение проблемы памяти в центральном произведении А. Платонова рубежа 1920–1930-х годов.

Опираясь на работы Е. Яблокова, Н. Корниенко, Е. Толстой, Н. Малыгиной, А. Щербакова, и в особенности В. Эйдиновой и Е. Белоусовой, самобытность стиля А. Платонова мы видим в его «драматически-сопрягающей» природе, проявляющей «максимальную устремленность художника к контактам и связям и открывающей в этой своей устремленности *труднейший характер движения человека навстречу другому* (миру или человеку), движения, которое требует от него «напряжения высших сил»¹³. Последовательно воплощая в романе «Чевенгур» уникальное мировидение и миропонимание писателя, стиль Платонова определяет и специфическое художественное решение им проблемы памяти.

Решая эту чрезвычайно важную для творческого сознания рубежа 1920–1930-х годов проблему, Платонов создает невероятно напряженную стилевую форму, каждая грань которой (языковой строй, композиционная организация, хронотоп, система персонажей) выражает его глубоко трагическое мироощущение. Речь идет о том, что «связующий» в самой своей основе стиль художника, мечтающего о кровном родстве всего со всем, оборачивается в «Чевенгуре» иной своей стороной – поэтикой «разрывов» (В. Эйдинова). И это выводит его «драматическое» звучание на новую, ещё более высокую ступень.

В лексическом строе романа градационное качество платоновского стиля проявляет себя в нескольких аспектах.

Во-первых, оно обнаруживается в *сверхчувственной природе памяти*, которая подчеркивается в тексте непосредственной близостью лексем «память» и «воспоминание» со словами, фиксирующими ощущения самого разного рода – обонятельные, осязательные, зрительные, вкусовые, аудиальные. Задействовав в процессе

¹³ Белоусова Е. Г. Стилевая интенсификация в русской прозе рубежа 1920–1930-х годов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2007. С. 29.

воспоминания практически все органы чувств, автор стремится охватить мир со всех сторон, максимально ощутить его целостность. При этом, в отличие от Газданова, ориентированного главным образом на звуковой способ освоения бытия, для Платонова и его героев ведущим каналом восприятия становится обоняние.

Во-вторых, кульминационная природа платоновского стиля сказывается в *предельной эмоциональной насыщенности воспоминаний*, способных вызывать у персонажей «Чевенгура» крайне противоположные и в то же время неразрывно связанные друг с другом чувства, например, радость и ярость. Именно это оксюморонное столкновение в памяти героев полярных переживаний отличает Платонова от Газданова, который также фиксирует крайние точки эмоционального напряжения личности, погруженной в процесс воспоминаний, но делает это иначе – путем нагнетания целого ряда сходных душевных состояний, каждое из которых раскрывает новый оттенок испытываемого ощущения, бесконечно расширяя его границы и усиливая эмоциональное звучание.

В-третьих, это нарастающее в своем драматизме предельное качество платоновского стиля открывается в *теснейшей текстовой связи слов «память» и «забвение»*, выражающих в мире «Чевенгура» соответственно идеи жизни и смерти, единства бытия и его трагической расколотости. Причем эта связь не представляется художником как некая устойчивая данность. Наоборот, «взаимоотношения» памяти и забвения проходят в романе несколько этапов. Сначала их связь носит характер *перетекания* одного в другое, главным образом, памяти в забвение, затем она оборачивается *противопоставлением*, а к финалу романа приобретает вид *оксюморонного*, то есть внутренне противоречивого и в высшей степени напряженного *единства*. Автор буквально сталкивает предельную память и абсолютное забвение, придавая своему тексту чрезвычайно драматическое, «накаленное» звучание.

В сюжетно-композиционном строении «Чевенгура» Платонов, как и Газданов в «Вечере у Клэр», обращается к ассоциативному принципу организации воспоминаний. Но, в отличие от последнего, использует его для связи крайне далеких, «различных по иерархии» вещей (например, неба и узловой станции). К тому же наиболее часто писатель прибегает к ассоциации по контрасту, которая выражает его стремление сблизить откровенно противостоящие, а зачастую и отторгающие друг друга понятия и явления. Подобный способ организации воспоминаний открывает поистине трагический пафос, воплощаемый стилевой формой Платонова, подчеркивающего, что «собрание» мира требует от человека невероятных усилий по преодолению «сопротивления» самого материала (тех элементов, которые никак не сопрягаются между собой). Но в итоге ощущения целостности ему достичь все равно не удается.

Доминантный для стилевой структуры «Чевенгура» принцип «разрывов», подавляющий звучание «связующего» начала стиля писателя, воплощается и в организации художественного времени романа. Речь идет о том, что платоновские герои нередко пребывают сразу в двух временных измерениях, переживая события, и происходящие ныне, и давно свершившиеся. Но поскольку сами по себе эти события не имеют ничего общего, их сопряжение проявляет не гармоничную связь прошлого и настоящего, а внутреннюю расколотость человеческой личности, её неукорененность в мире.

Новое качество платоновского стиля, выражающего мысль автора о трагической разобщенности мира, не менее зримо проявляется в организации романного пространства. Одной из доминантных его характеристик (наряду с пустотой, тоской и бесприютностью) становится всепоглощающая и всеразрушающая (в этом плане Платонов вновь перекликается с Газдановым) «забвенность». С особой силой она акцентируется художником при описании Чевенгура: его природы, мира вещей, а также людей и животных, населяющих этот город.

Резкая полярность платоновской формы, обусловленная борьбой в ней двух противоположных стилевых тенденций (связи и разрывов), решительно раскрывает себя и в образной системе исследуемого романа. При этом для Платонова, как и для Газданова, главным критерием отношения к персонажу является его способность к воспоминаниям. Так, все герои «Чевенгура» существуют в пространстве высочайшего напряжения, возникшего между двумя этическими и эстетическими полюсами произведения – памятью и беспамятством. И в зависимости от степени приближения к одному из этих полюсов, их можно разделить на пять основных типов. Два из них располагаются непосредственно на полюсах платоновского универсума – это *носитель всеобъемлющей памяти* (Алексей Алексеевич Полюбезьев) и *выразитель полного беспамятства* («прочие»). А три оставшиеся находятся между ними. Исходя из особенностей их воспоминаний, эти типы героев обозначены в работе как носители *ассоциативно-связующей*, *«осколочной»* и *мнимой памяти*. Если носители ассоциативно-связующей памяти (Александр Дванов, Степан Копенкин, Захар Павлович, Яков Титыч) всеми силами души стремятся к собиранию и накоплению мира в своем сердце, то представители «осколочной» памяти (Чепурный и другие большевики-чевенгурцы) «вбирают в себя жизнь» лишь «кусками» и при этом совершенно не способны увязать их друг с другом, сложить из осколков реальности целостный образ бытия. Носители мнимой памяти названы так потому, что они не собирают мир посредством памяти, а разрушают его, «выдергивая» из единой картины мироздания отдельные элементы. Ярчайшим примером героя этого типа является идеолог нового мира Прошка Дванов, который сознательно выбирает, о чем ему следует помнить, а что можно забыть.

Отношения между носителями различных типов памяти строятся в романе Платонова по принципу притяжения – отталкивания, обнаруживая трагическую неспособность человека преодолеть

собственное сиротство и установить столь необходимые ему сердечные связи с окружающими людьми.

Завершается данная глава выводом о том, что напряженное взаимодействие двух стилевых начал – связующего, заключенного для Платонова в памяти, и активно противостоящего ему разрушающего начала, воплощенного в «Чевенгуре» в образе забвения, проявляет категорическое неприятие автором современной ему действительности, крайне далекой от всеобщего родства и гармоничной целостности.

В **Заключении** диссертации подводятся основные итоги исследования и обозначаются ключевые точки стилового схождения романов Г. Газданова «Вечер у Клэр» и А. Платонова «Чевенгур».

Прежде всего, типологическая близость самобытных стилевых форм писателей зримо проявляется в переключках тех средств и приемов (целенаправленное сближение лексем «память» и «воспоминание» со словами, фиксирующими разного рода ощущения, ассоциативный способ организации повествования и др.), с помощью которых и Газданов, и Платонов последовательно раскрывают в тексте сверхчувственную природу воспоминаний. А самое главное, она проступает в заряженности обеих стилевых структур общим пафосом «собирания» мира, главнейшим инструментом которого становится память. Именно он определяет и синтаксические конструкции перечислительного типа, и многослойность пространственно-временных образов, и особый тип героя, способного одновременно пребывать в прошлом и настоящем.

Кроме того, в заключении намечаются перспективы дальнейшего изучения проблемы взаимодействия индивидуальных авторских стилей, причем не только на рубеже 1920–1930-х годов, но и в другие периоды развития отечественной литературы. В первую очередь имеются в виду те переломные его моменты, которые заставляют подчеркнуто разных в стилевом отношении художников направлять свои творческие силы в одну сторону для решения важнейших эстетических задач. Одним из таких моментов, в частности, представляется рубеж XX и XXI веков.

Основное содержание диссертации отражено в следующих **работах**:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК

1. Бронникова, Е. В. От памяти к беспамятству: к вопросу о типологии персонажей в романе А. Платонова «Чевенгур» [Текст] / Е. В. Бронникова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 5 (143). Филология. Искусствоведение. Вып. 29. С. 13–16.

2. Бронникова, Е. В. Об индивидуально-личностных основаниях стиля Гайто Газданова [Текст] / Е. В. Бронникова // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 4 (185). Филология. Искусствоведение. Вып. 40. С. 34–37.

3. Бронникова, Е. В. Андрей Платонов – Гайто Газданов: стилевой диалог [Текст] / Е. В. Бронникова // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32 (213). Филология. Искусствоведение. Вып. 48. С. 29–33.

Другие публикации

4. Бронникова, Е. В. К вопросу о своеобразии словесного воплощения мотива памяти в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» [Текст] / Е. В. Бронникова // Проблемы изучения литературы: Исторические, культурологические, теоретические и методические подходы: Сб. науч. трудов. – Вып. VIII. Челябинск: «Абрис», 2006. С. 33–39.

5. Бронникова, Е. В. Конструктивный аспект мотива памяти в романе В. Набокова «Машенька» [Текст] / Е. В. Бронникова // Филологические проекции большого Урала: тезисы студенческой конференции: сборник. – Челябинск: Рекпол, 2007. С. 4.

6. Бронникова, Е. В. Мотив памяти в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» [Текст] / Е. В. Бронникова // Проблемы изучения литературы и фольклора: Исторические, культурологические и

теоретические подходы: Сб. науч. трудов. Вып. IX. – Челябинск: «Восточные ворота», 2008. С. 74–82.

7. Бронникова, Е. В. Сюжетообразующая роль мотива памяти в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева» [Текст] / Е. В. Бронникова // Четвертые Лазаревские чтения: «Лики традиционной культуры: прошлое, настоящее, будущее»: Материалы международной науч. конф. Челябинск, 15-17 мая 2008 г.: в 2 ч.; Челябинск, 2008. Ч. 1. С. 238–242.

8. Бронникова, Е. В. «Собирающая» роль памяти в романе А. Платонова «Чевенгур» [Текст] / Е. В. Бронникова // Литература в контексте современности: сб. мат. IV Международной научно-методической конф. (Челябинск, 12-13 мая 2009 г.) – Челябинск: Изд-во ООО «Энциклопедия», 2009. С. 135–139.

9. Бронникова, Е. В. Об особенностях словесного воплощения мотивов памяти и забвения в романе А. Платонова «Чевенгур» [Текст] / Е. В. Бронникова // *Lingua Mobilis*. 2009. №3 (17). С. 7–13.

10. Бронникова, Е. В. «Чевенгур» А. Платонова и «Отец» В. Катаева: о некоторых стилевых параллелях [Текст] / Е. В. Бронникова // Андрей Платонов в идеологических и художественных контекстах своего времени: межвуз. сб. науч. тр. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010. С. 152–159.

11. Бронникова, Е. В. Стилизовое воплощение проблемы памяти в романе Гайто Газданова «Вечер у Клэр» (лексико-семантический аспект) [Текст] / Е. В. Бронникова // Мировая литература в контексте культуры: сб. материалов VII междунар. науч. конф. «Иностранные языки и литературы в контексте культуры», посвящ. 115-летию со дня рождения В. В. Вейдле (23 апреля 2010 г.), и всеросс. студ. науч. конф. (27 апреля 2010 г.) / общ. ред. и сост. Н. С. Бочкарева, И. А. Табункина.– Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2010. С. 81–83.